

УЎК (УДК, UDC): 811.161.1
DOI: 10.36078/1577692972

ПРОБЛЕМЫ СТАНОВЛЕНИЯ ДЕРИВАТОЛОГИИ, ЕЁ МЕТОДОЛОГИЯ И ИССЛЕДОВАНИЕ В КОММУНИКАТИВНОМ АСПЕКТЕ

Эльдар Ринатович ХАСАНОВ
Старший преподаватель
Кафедра методики преподавания
русского языка и литературы,
Джизакский государственный
педагогический институт имени А. Кадыри
Джизак, Узбекистан
k_studentu@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена актуальным вопросам методологических основ и методике исследования деривационных процессов, проявляющихся в современном русском языке. Во введении описываются исторические предпосылки развития и становления дериватологии, описываются не только этапы, но и взгляды исследователей-лингвистов по данной проблеме.

Целью данной работы является описание и анализ существующих методов в процессе исследования деривационных процессов и текстообразования. Автором статьи была проанализирована научная литература по данной тематике. В результате проделанного анализа, автор пришел к выводу, что в качестве методологической основы дериватологии выступают такие понятия, как движение, развитие, производство. В ходе рассмотрения общетеоретических положений, автором были сделаны выводы, которые могут служить постулатами дериватологии.

По итогам исследования автор выделяет три основных этапа деривационной методики, а именно, предварительный анализ заданного текста, построение деривационной модели и проверка ее на адекватность.

Ключевые слова: дериватология; метод; методика; деривационные процессы; деривационная методика; лингвистика; текстообразование; законы деривации.

ДЕРИВАТОЛОГИЯНИНГ ШАКЛЛАНИШИДАГИ МУАММОЛАР, УНИНГ МЕТОДОЛОГИЯСИ ВА КОММУНИКАТИВ АСПЕКТДАГИ ТАДҚИҚИ

Элдар Ринатович ХАСАНОВ
Катта ўқитувчи
Рус тили ва адабиёти
ўқитиш методикаси кафедраси
А.Қодири номидаги Жиззах давлат
педагогика институти
Жиззах, Ўзбекистон
k_studentu@mail.ru

Аннотация

Мақола замонавий рус тилида намоён бўладиган деривацион жараёнлар, яъни услубий асослар ва ҳосилавий жараёнларни ўрганиш методологиясининг долзарб масалаларига бағишланган. Кириш қисмида дериватологиянинг шаклланиши ва тарихий тараққиёти асослари, босқичлари, шунингдек, тилшунос тадқиқотчиларнинг ушбу муаммога муносабати таърифланган.

Ушбу ишнинг мақсади — ҳосилавий жараёнларни ўрганиш ва матнни шакллантириш жараёнидаги мавжуд усулларни тавсифлаш ва таҳлил қилишдир. Муаллиф мавзу бўйича назарий адабиётларни таҳлил қилган. Таҳлил натижасида дериватологиянинг методологик асоси ҳаракат, ривожланиш, ишлаб чиқариш каби тушунчалари билан боғлиқ ҳолда намоён бўлади деган хулосага келган. Умумийназарий қоидаларни кўриб чиқиш жараёнида муаллиф дериватологиянинг постулатлари сифатида хизмат қилиш мумкин бўлган хулосаларни баён қилган.

Тадқиқот якунида муаллиф дериватив методиканинг уч асосий босқичини, яъни берилган матнни олдиндан таҳлил қилиш, дериватив моделни қуриш ва унинг мослигини текшириш кабиларни алоҳида ажратиб кўрсатади.

Калит сўзлар: дериватология; усул; методика; деривацион жараёнлар; деривацион методика; матннинг шаклланиши; деривация қонунлари.

PROBLEMS OF FORMATION OF DERIVATOLOGY. ITS METHODOLOGY AND RESEARCH IN COMMUNICATIVE ASPECT

Eldar Rinatovich KHASANOV

Senior Lecturer,
Department of teaching methods
Russian language and literature,
A. Kadiri named Jizzakh State
Pedagogical Institute
Jizzakh, Uzbekistan
k_studentu@mail.ru

Abstract

The article is devoted to topical issues of the methodological foundations and the methodology of the study of derivational processes manifested in modern Russian. The introduction describes the historical background of the development and formation of derivatology, describes not only the stages, but also the views of linguistic researchers on this issue.

The aim of this work is to describe and analyze existing methods in the process of studying derivational processes and text formation.

The author of the article analyzed the scientific literature on this topic. As a result of the analysis, the author came to the conclusion that such concepts as movement, development, production act as the methodological basis of derivatology. During the consideration of general theoretical provisions, the author made conclusions that can serve as postulates of derivatology.

Summing up the study, the author identified three main stages of the derivational methodology, namely, a preliminary analysis of a given text, the construction of a derivational model, and verification of its adequacy.

Keywords: derivatology; method; technique; derivational processes; derivational technique; linguistics; text formation; derivation laws.

Введение

В современной лингвистике дериватология продолжает развиваться и является одним из приоритетных направлений. В ней еще многое неясно; еще не полностью создана система терминологии, не разработаны достаточно надежные методы исследования, до конца не определен круг проблем, которые следует решить. Дериватология возникла не на пустом месте. Формирование современной дериватологии представляет собой подведение итогов, обобщение результатов развития языкознания. Обратимся в связи с этим к его истории.

Уже в древнем мире мы можем найти отдельные идеи, созвучные положениям современной дериватологии. Так, древнеиндийский ученый Пáнини составил грамматику, в которой рассказывалось о том, как образуются корни слов санскрита, какие происходят чередования звуков при образовании слов. Это была по существу первая в мире деривационная грамматика. В средние века, отчасти самостоятельно, отчасти опираясь на персидскую и арабскую традицию, ученые сделали немало интересных предположений о том, как появились отдельные слова и их грамматические формы. Не случайно в древнегреческой философии оформилась деривационная «лингвистическая» терминология. Сравните русские кальки: падеж (от именительного падежа как бы отпадали косвенные), склонение (падежи отклонялись от первоначального, исходного) и т.п.

Однако лишь в XVII веке появилась целостная концепция взглядов на язык как на некоторый механизм образования, производства единиц общения — в первую очередь слова и предложения. Это была так называемая универсальная (философская, рационально-логическая) грамматика. Ее авторы рассказывали о том, как человек, выражая свою мысль, строит предложения, объединяет отдельные простейшие мысли в сложное языковое единство — предложение. Так, предложение: *Невидимый бог создал видимый мир*. Соединяет в себе три мысли: *Бог невидимый* + *Бог создал мир* + *Мир видимый* (10, 202).

Идея соединения элементарных единиц в сложные, лежащая в основе дериватологии, восходит к универсальной грамматике XVII–XVIII вв. (грамматика Пор-Рояля). Те же корни имеет еще одна фундаментальная идея дериватологии — идея компрессии, сжатия или, как стали выражаться в XIX в. лингвисты-психологи, сгущения мысли. Так, М. В. Ломоносов вслед за универсальной грамматикой отмечал, что многие части речи служат для «сокращения», т.е. сокращенного выражения нашей мысли: причастие есть

прилагательное + глагол; наречие — это целое предложение в предложении (9, 134) (*Мальчик читает + Чтение мальчика хорошее — Мальчик читает хорошо*). Таким образом, универсальную грамматику XVII–XVIII века следует считать исторической основой современной дериватологии.

В русском языкознании эти идеи развивала так называемая логическая грамматика, основателем которой является Н. И. Греч. Его «Практическая грамматика русского языка» оказала огромное влияние на развитие не только научной грамматики XIX–XX вв., которая до сих пор обнаруживается в школьных учебниках по русскому языку. Причастные и деепричастные обороты, приложения, вводные слова логическая грамматика толковала как предложения «сокращенные» придаточные (6, 387). Хотя в действительности эти обороты ни исторически, ни деривационно не сокращались в придаточные в буквальном смысле, но они «возводятся» к предложению, т.е. замещают его: *Подъезжая к деревне, мы услышали лай собак. = Когда подъезжали к деревне, мы услышали лай собак.*

Н. И. Греч и его последователи, в том числе Ф.И. Буслаев, говорили о многих других деривационных процессах: слиянии (*звери и птицы живут без труда*), заменах (*я живу в городе, где = в котором мне очень скучно*), опущениях (*говорят, что скоро будет мир = люди говорят*). Ф. И. Буслаев впервые предпринял попытку рассматривать такого рода процессы с исторической точки зрения, т.е. трактовать их как «исторические», происходящие в истории языка (2, 98). Сторонники сравнительно-исторического метода в языкознании многое сделали в этом направлении, хотя и отрицали научную значимость как универсальной, так и логической грамматики.

Впрочем, отрицали не значит отвергали все, что сделано их предшественниками. Напротив, многие плодотворные идеи логической школы нашли не только поддержку, но и развитие в трудах представителей сравнительно-исторического языкознания. Это характерно, прежде всего, для раннего периода его развития, когда психологическая концепция «сочеталась» с убеждениями, что язык — явление глубоко социальное. Этот постулат был провозглашен основой языкознания в трудах гениального В. фон Гумбольдта — немецкого энциклопедиста XIX в.

С большой страстью В. Гумбольдт утверждал мысль о динамической природе языка. Он полагал, что язык принадлежит целому народу и вместе с тем служит орудием мышления каждого человека, а следовательно, является не результатом деятельности, а самой деятельностью, с одной стороны,

глубоко внутренней, психологической, с другой — социальной, ибо человек как носитель языка — существо общественное по природе (7, 131). Это теоретическое положение как нельзя лучше согласовывалось с идеей историзма языка, идеей его непрерывного изменения во времени.

Большой вклад в развитие современной дериватологии внесли Л.Н. Мурзин (10), М.Г. Шкуропацкая (16) и др., описав в своих работах общую теорию деривации и методику исследования процессов образования слова и предложения.

Основная часть

Итак, возникновение дериватологии как общего учения о производности лингвистических единиц было подготовлено исторически, всем ходом развития лингвистики.

Как любая наука, дериватология нуждается в обосновании исходных позиций — в своей методологии. Рассмотрим несколько философских положений, на которые она опирается.

Наиболее общим является положение, согласно которому формой существования материи выступает движение. Например, если точка X движется очень медленно относительно точки Y, то мы можем говорить, что X не движется, то есть находится в покое; если X движется так же, как Y, то X находится в покое относительно Y. Отсюда вывод: статика языка относительна, динамика — абсолютна. Поэтому язык мы должны рассматривать в первую очередь как явление динамическое.

Другим не менее важным философским понятием является понятие развития. Развитие есть движение от низшего к высшему, от простого к сложному. Следовательно, развитие объекта есть его преобразование, характеризующееся необратимостью, переходом к качественно новому состоянию, появлением новых структурных элементов, функций, свойств. Это можно выразить формулой $A \longrightarrow A'$, где $A' = A + \alpha$, α — символ нового качества.

Время играет роль постоянного фактора, ибо развитие вне времени не мыслимо. Причем этот фактор сам по себе нейтрален, т.е. не может непосредственно воздействовать на объект. Преобразуется же объект под влиянием разного рода сил — причин: $A \xrightarrow{\text{causa}} A$.

Развитие — высший тип движения, изменения материи и сознания, переход от одного качественного состояния к другому, от старого к новому. Развитие характеризуется специфическим объектом, структурой, источником,

формами, направленностью. Развитие не просто изменение, а с преобразованием во внутреннем строении объекта, в его структуре, представляющей собой совокупность физически связанных между собой элементов, связей и зависимостей (13, 354).

Общая линия прогрессивного развития переплетается с изменениями, которые образуют так называемые тупиковые ходы эволюции или даже направлены в сторону регресса (13).

Причины изменений бывают разные: внешние и внутренние. Внешняя причина — воздействие другого предмета, силы, процесса. Однако в действительности первостепенную роль играют в развитии внутренние причины — противоречия, свойственные данному объекту (12, 246). Мир в целом не может развиваться иначе, как путем разрешения внутренних противоречий. Думается, что и язык как общественное явление не составляет исключения.

Лексической деривации подвергается основная единица языка — слово. Слово существенно отличается от предложения в системе языковых механизмов. Если предложение по преимуществу производится, т.е. каждый раз создается заново (и к этому сводится его жизнь в языке), то слово в основном воспроизводится в речевой деятельности, хотя каждый раз своеобразно, неповторимо, т.е. используется как готовая единица, хранящаяся в памяти. Отсюда, казалось бы, следует вывод, что предложение — единица динамическая (речевая), а слово — единица статическая (языковая) (1, 78).

В действительности же слово также динамическая единица, сущность которой состоит в ее непрерывном функционировании, постоянном видоизменении, обновлении. Однако слово функционирует не так, как предложение. Предложение — компонент текста. Более того, как в капле воды заключены свойства воды вообще (капля — та же вода), так и в предложении — все свойства текста. Предложение есть тот же текст. Иное дело — слово. Оно не имеет свойств текста, хотя в конечном счете текст «составляется» из слов. В этом отношении слова подобны химическим элементам вещества: водород и кислород «составляют» воду, но не обладают ее свойствами (3, 163).

Чем же характеризуется слово как динамическая единица? Оно противоречиво. С одной стороны, слово — неотъемлемая часть текста, т.к. текст «строится» из слов, как здание из кирпичей. С другой стороны, слово не принадлежит тексту, поскольку оно связано сейчас и может быть связано в будущем с определенным множеством текстов. Таким образом, слово принадлежит данному тексту и вместе с тем не принадлежит ему. Этим

противоречием и объясняются многие динамические свойства слова. Действительно, слово и конкретно, и абстрактно в одно и то же время. Как элемент текста, это предельно конкретно (в той степени, в которой конкретен данный текст) связано со всеми другими словами текста, которые так или иначе уточняют, ограничивают его значение, делают его метой данного денотата. Но поскольку слово употреблялось в других текстах, где оно выполняло функцию меты, оно связывает данный текст с другими текстами, т.е. выражает то общее, что объединяет эти тексты, и потому по необходимости абстрактно (4, 59).

Слово выражает данную мысль, «разлитую» в данном тексте, и вместе с тем, будучи связанным с огромным числом других мыслей, «разлитых» в тех текстах, в которых оно употреблялось, оно не выражает данной мысли, а лишь намекает на нее. Слово — представитель текста в целом, и поэтому в нем сконцентрировано все содержание текста. Но текст не сводится к слову, оно занимает в нем ограниченное место и является представителем только предложения или даже словосочетания, а значит, содержание слова ограничено содержанием предложения или словосочетания. Можно было бы отметить и другие противоречивые свойства слова, но все они так или иначе есть отражение основного противоречия между его текстовой и внетекстовой природой.

Одной из важнейших задач дериватологии является исследование внутренних причин деривационных процессов. Известно, что сложные объекты типа языка развиваются под воздействием множества причин, и поэтому трудно предсказать конкретный результат развития. Следовательно, развитие сложных объектов, состоящих из ряда менее сложных, которые в свою очередь состоят из более элементарных и т.п., носит статистико-вероятностный характер, и это полностью относится и к языку. Однако среди множества причин развития объекта выделяются наиболее важные, определяющие общее направление развития объекта.

Понятие развития может быть конкретизировано в разных отношениях. Производство материальных благ в обществе есть процесс преобразования одного объекта (точнее, множества объектов) в другой, качественно новый (соответственно, в новое множество объектов) X в Y (*кожа — в сапоги, зерно — в муку, хлопок — в нитки* и т.п.) (8, 74). В языке мы наблюдаем нечто подобное: мы «производим» тексты из лингвистических единиц, поэтому можем использовать термин производство по отношению к языку, следовательно, и термин воспроизводство, ибо любое производство

предполагает воспроизводство, т.е. воссоздание того, что уже имело место на предыдущем этапе развития. Это значит, что Y «включает» X в том или ином виде, хотя и не сводится к нему, как говорят философы, включает в снятом виде. Так, в любом тексте, который мы создаем, «воспроизводятся» уже созданные тексты.

Все рассмотренные понятия — движения, развития, производства — служат методологической основой динамической лингвистики и, таким образом, дериватологии.

Однако любая лингвистика независимо от понимания объекта исследования является наукой семиотической. Это значит, что она имеет дело не с действительностью, как таковой, а с ее отображением в сознании человека в символической форме.

Процессы такого отображения являются по своей природе логико-психологическими. Отобразить в сознании некоторый объект — значит поставить ему в соответствие некоторый знак (5, 32). Но объект не существует сам по себе, а лишь как часть ситуации. Значит, отображая объект, мы должны вычленив его из ситуации, т.е. произвести анализ расчленения последней. Вместе с тем выделяемый объект мы отождествляем с рядом других объектов, выделенных в сходных случаях, т.е. включаем его в тот или иной класс объектов. И выделение, и отождествление объектов осуществляется с помощью знаковой системы. Мы делаем выбор подходящего знака или конструкции новый, чтобы создать текст, максимально соответствующий ситуации с выделенным в ней объектом. Ставя знак в соответствие объекту, человек производит сложнейшие логические и психологические операции. Так как каждый объект неповторим и индивидуален и вместе с тем принадлежит к множеству классов, то в большинстве случаев, чтобы удовлетворить потребности в общении и выразить мысль в тексте, нам приходится создавать все новые и новые знаки. Фактически коммуниканты почти всегда создают знаки или приспособливают к данному случаю готовые, т.е. в сущности преобразуют их в новые знаки (5, 41). Отсюда очевидна роль деривации в коммуникативном семиотическом процессе.

Из рассмотренных общетеоретических положений вытекают следствия, которые могут служить постулатами дериватологии:

1. Деривация есть особого рода развитие: переход одних частиц в другие;

2. Деривация протекает в ходе производства (воспроизводства) текста; текстообразование, опирающееся на деривационный процесс, аналогично производству сложного объекта;

3. Деривационный процесс принадлежит онтологии, а не гносеологии языка, потому он развивается по законам двух типов — детерминистским и статистико-вероятностным.

Теперь обратимся к методике дериватологии. Задача всякой науки — адекватно описать объект исследования, т.е. создать некоторую семиотическую систему, отражающую существенные свойства объекта. Нельзя отождествлять описание объекта и объект описания. В научном описании объект всегда представлен неполно. Но так как в научном описании обычно отражаются существенные свойства объекта, то нередко не разграничивают это описание (гносеологию объекта) и сам объект (его онтологию), что имеет ряд отрицательных последствий. В лингвистике такое разграничение особенно необходимо, поскольку она описывает тексты, т.е. само описание действительности. В связи с этим вводится понятие метаязыка, т.е. языка, с помощью которого описывается другой язык. Метаязык — язык научной терминологии, т.е. включающий термины и правила их использования. Он тесно связан с методикой исследования.

Дериватология, как в конечном счете и вся лингвистика, имеет дело с текстом. Именно текст — основной материал исследования. Однако текст в дериватологии рассматривается в динамическом аспекте, т.е. в процессе его порождения. С этим связаны особенности деривационной методики. Фактически, имея дело с зафиксированным текстом, мы должны обнаружить в нем динамические черты — «следы» порождения, т.е. такие элементы, на основании которых можно воссоздать (реконструировать) процесс деривации. Иначе на основе предварительного анализа текста мы строим гипотезу (или ряд гипотез) — модель деривационного процесса.

Таким образом, можно наметить три основных этапа деривационной методики: 1) предварительный анализ заданного текста, 2) построение деривационной модели и 3) проверка ее на адекватность.

На первом этапе исследования текст рассматривается в статическом аспекте как заданная структура, хотя и под динамическим углом зрения. Основная задача заключается в том, чтобы найти в тексте сложные единицы, которые по предположению могут быть производными. Такие единицы и будут составлять основной материал, подлежащий анализу. Кроме того, необходимо отыскать и такие единицы, которые можно считать

производящими. Сложность в том, что производящие единицы отнюдь не всегда представлены в тексте, а если и представлены, то нередко в преобразованном виде (Ср.: *Мы посетили восьмое студенческое общежитие. В восьмерке проводятся интересные встречи с учителями школ.*) (15, 178). Наконец, целесообразно установить форманты производных единиц, т.е. то, чем они отличаются от производящих.

Таким образом, исследование на этом этапе носит индуктивный характер: мы производим наблюдение и фиксируем в тексте то, что рассматриваем как материал для анализа. Естественно, здесь мы используем традиционные термины: слово, морфема, приложение и т.п. в статическом смысле.

Исследование на втором этапе принципиально отличается от исследования на первом. Здесь мы имеем дело уже с динамикой языка, не с текстом как таковым, а с процессом его образования.

Общий путь познания на данном этапе не индуктивный, а в основном дедуктивный, точнее — гипотетико-дедуктивный, ибо сначала мы вынуждены выдвинуть гипотезу о том, как протекает деривационный процесс, а затем, опираясь на собранный на первом этапе материал, должны создать модель процесса, отражающую определенную деривационную закономерность. Отсюда необходимость использования терминов динамической лингвистики. Введем основные из них, относящиеся к деривации.

Динамическая единица — процессуальная единица. В отличие от статических единиц она характеризуется не столько объемным, сколько временным параметром и соответствует некоторому «отрезку» порождающего процесса, заключенному между начальной и соответствующей конечной статической единицей.

Разграничение статических и динамических единиц было предложено применительно к словообразованию. Динамическую словообразовательную единицу называют деривационным шагом.

Деривационный шаг — сложная единица, включающая в себя операции, представляющие собой простейшие, далее неразложимые динамические единицы (11, 65). Примерами операций могут служить разного рода замещения, которые мы производим, образуя, например, сложные предложения из простых, или инверсия элиминации компонентов начальных единиц и т.п.

В результате деривационного шага образуется новая единица. Но в процессе образования наблюдается преобразование — трансформация

начальных единиц, изменение формы без изменения содержания. Например, трансформация предложения в словосочетание: *брат приехал — приезд брата*. Трансформация, таким образом, есть промежуточная динамическая единица, которая может иметь, а может и не иметь место в деривационном процессе.

Оператором именуется то, что вводится в деривационный процесс извне и служит аналогом причины самого процесса. Оператор как бы способствует образованию новой статической единицы и маркирует ее, т.е. выделяет из других, является показателем ее производности. То, что в словообразовании называют формантом, является с точки зрения динамики оператором. Операторами могут быть слова, союзы, предлоги, грамматические формы, контекст (10, 31).

Итак, деривационный шаг, трансформация, операция и оператор — основные термины, с помощью которых может быть описана деривация, осуществлено ее моделирование на втором этапе исследования.

На третьем этапе деривационной методики могут быть использованы различные типы доказательства достоверности построения моделей:

1) Логический: модель не может содержать в себе логические противоречия;

2) Фактический: модель должна соответствовать фактам, и чем больше фактов соответствует ей, тем лучше модель. Модель сама по себе абстрактна. Проверка ее означает постановку вместо абстрактных символов конкретных, например, вместо символа класса слов можно поставить конкретную лексику или предложение. Если такую постановку осуществить возможно, то модель выдерживает «испытание» фактами;

3) Экспериментальный: предполагает проведение психолингвистических или иных экспериментов с целью проверки соответствия модели языковому сознанию носителей языка. Если результаты статистически достоверны, то модель адекватна действительности.

Заключение

Таким образом, из вышесказанного можно сделать вывод о том, что основы дериватологии было заложены еще в глубокой древности, и как любая другая наука, она имеет свою методологию. Именно слово подвергается лексической деривации и в отличие от предложения оно воспроизводится в речевой деятельности человека неповторимо и своеобразно.

Именно такие философские понятия как движение, развитие, производство, являются по нашему мнению методологической основой дериватологии. Нами были выделены три основные этапа деривационной методики, каждый из которых необходим для более точного анализа.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Апресян, Ю.Д. Лексическая семантика: Синонимические средства языка. — М.: Наука, 1974. — 367с.
2. Буслаев Ф.И. Учебник русской грамматики. — М.: Типография Э. Лисснера и Ю. Романа, 1896. — 239 с.
3. Виноградов В.В. Основные типы лексических значений слов // Избранные труды. Лексикология и лексикография. — М., 1977. — С. 162–191.
4. Гинзбург, Е.Л. Конструкции полисемии в русском языке: Таксономия и метонимия. — М.: Наука, 1985. — 223с.
5. Голанова, Е.И. Номинация в сфере лексики // Способы номинации в современном русском языке. — М.: Наука, 1982. — С. 55–64.
6. Греч Н.И. Практическая русская грамматика. 2-е изд., испр. — СПб.: Типография издателя Греч Н.И., 1834. — 526 с.
7. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. — М.: Прогресс, 1984. — 400 с.
8. Колмогорова, А. В. Социальная когнициия в языке и речи. — Томск: Изд-во ТПУ, 2013. — 384 с.
9. Ломоносов М.В. Российская грамматика. — СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1755. — 212 с.
10. Мурзин, Л.Н. Основы дериватологии. — Пермь: Перм. ун-т, 1984. — 56 с.
11. Розенталь, Д.Э. Словарь-справочник лингвистических терминов: пособие для учителя. — М.: Просвещение, 1985. — 399 с.
12. Серебренников Б.А. Языковая номинация // Виды наименований. — М.: Наука, 1977. — 358 с.
13. Философский энциклопедический словарь. — М.: Сов. энцикл., 1983. — 561с.
14. Хасанов Э. Р. О специфике семантической и лексической деривации в современном русском языке // Вестник Челябинского государственного университета. — 2018. — №. 6 (416). — С. 198–204.
15. Шмелев Д.Н. Современный русский язык. Лексика. — М.: Либроком, 2018. — 345 с.
16. Шкуропацкая, М. Г. Деривационная системность лексики (на материале русского языка): дис. ... д-ра филол. наук. — Кемерово, 2004. — 442 с.

REFERENCES

1. Apresyan Yu.D. *Leksicheskaya semantika* (Lexical semantics), Moscow, Nauka, 1974, 367p.
2. Buslaev F.I. *Uchebnik russkoi grammatiki* (Russian grammar textbook), Moscow, 1896, 239 p.
3. Vinogradov V.V. *Osnovnye tipy leksicheskikh znachenii slov* (Basic types of lexical meanings of a word), Moscow, 1977, pp.162-191.
4. Ginzburg E.L. *Konstruktsii polisemii v russkom yazyke: Taksonomiya i metonimiya* (Polysemy structures in Russian: Taxonomy and metonymy), Moscow: Nauka. 1985, 223p.
5. Golanova E.I. *Nominatsiya v sfere leksiki, Sposoby nominatsii v sovremennom russkom yazyke*, (Nomination in the Sphere of Vocabulary, Methods of Nomination in Modern Russian), Moscow: Nauka, 1982, pp/ 55-64.
6. Grech N.I. *Prakticheskaya russkaya grammatika* (Practical Russian Grammar), St. Petersburg, tipografiya izdatelya Grech N.I., 1834, 526 p.
7. Gumbol'dt V. *Izbrannye trudy po yazykoznaniiyu* (Selected Works on Linguistics), Moscow: Progress, 1984, 400 p.

8. Kolmogorova A. V. *Sotsial'naya kognitsiya v yazyke i rechi* (Social Cognition in Language and Discourse), Tomsk, Izd-vo TPU, 2013, 384 p.
9. Lomonosov M.V. *Rossiiskaya grammatika* (Russian grammar), St. Petersburg: Tipografiya Imperatorskoi Akademii nauk, 1755, 212 p.
10. Murzin L.N. *Osnovy derivatologii* (Basics of derivatology), Perm', Perm, un-t, 1984, 56 p.
11. Rozental' D.E. *Slovar'-spravochnik lingvisticheskikh terminov* (Dictionary - the directory of linguistic terms: manual for teachers), Moscow: Prosveshchenie, 1985, 399p.
12. Serebrennikov B.A. Yazykovaya nominatsiya, Vidy naimenovanii, (*Language nomination. Types of names*) Moscow, Nauka, 1977, 358 p.
13. *Filosofskii entsiklopedicheskii slovar'* (Philosophical encyclopedic dictionary), Moskow, 1983, 561p.
14. Khasanov E. R. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2018, No. 6 (416), pp.198-204.
15. Shmelev D.N. *Sovremennyi russkii yazyk, Leksika* (The modern Russian language. Vocabulary), Moscow: Librokom, 2018, 345 p.
16. Shkuropatskaya M. G. *Derivatsionnaya sistemnost' leksiki (na materiale russkogo yazyka)*, (Derivational systemacity of lexicon (on the Russian language material)), Doctor's thesis, Kemerovo, 2004, 442 p.